

Память 04 марта (ст.стиль 19 февраля)

Память святых апостолов Архиппа, Филимона и Апфии

По свидетельству блаженного Амвросия¹, святой Апостол Архипп, один из числа семидесяти, был епископом после святого Епафраса² в городе Колоссах³, во Фригии; святой Апостол Павел в своем послании к Филимону называет святого Архиппа своим сподвижником (Флм.2). Святой Филимон был именитый гражданин в Колоссах, святая же Апфия, по свидетельству Иоанна Златоустого, была супругой Филимона. Последний, уверовав во Христа, сделал из дома своего церковь; таким образом в доме Филимона собирались все верующие в Колоссах и здесь совершались, как бы в церкви, божественные службы⁴. Потом святой Филимон был поставлен епископом с тем, чтобы помогать Апостолам в распространении Евангелия.

Во времена святых Апостолов одни из епископов имели постоянное жительство и занимали одну определенную кафедру, другие же, не имея сего, обходили различные города и селения; такие назывались епископами апостольскими, так как были посылаемы на апостольскую проповедь. Таким епископом был и святой Филимон, сподобившийся быть причтенным, подобно некоторым поместным епископам, к числу семидесяти святых Апостолов; он обходил города Фригии и некоторые другие и

везде ревностно проповедывал слово Божие. Сохранилось до нас известие, что он был епископом и в Газе⁵.

Святая Апфия, устроив в своем доме в Колоссах церковь, усердно служила денно и ночно Господу, подвизаясь в молитве и посте; она с радостью принимала и давала пристанище тем, кто трудился, благовествуя учение Христово; она доставляла пищу нищим, убогим и странникам, так что дом ее был не только церковью, но также и странноприимницей, больницей и пристанищем для всех, кто не имел места, где бы мог отдохнуть и успокоиться.

Однажды в Колоссах совершался богомерзкий праздник в честь языческой богини Артемиды⁶. В это время бывшие в сем городе святые Апостолы Архипп и Филимон, собрав всех верующих в дом Филимона и Апфии, возносили Господу обычные свои моления и отправляли божественную службу. Между тем идолослужители, питавшие сильную ненависть к верующим, узнали, что все христиане собрались в доме Филимона. Воспользовавшись таким случаем, язычники напали внезапно на верующих, разогнали всё стадо Христово, одних избили, других убили; затем, схватив святых Апостолов Архиппа и Филимона, а также святую Апфию, привели их к ефесскому градоначальнику Артоклису и, по повелению последнего, подвергли святых мучениям: сначала мучители распростерли их на земле и стали влачить их, немилосердно нанося им при сем удары; затем каждого из них в отдельности закопали до бедер в землю и начали побивать камнями. Святого Филимона и святую Апфию они совсем закидали камнями; а святого Архиппа еле живого оставили на посмеяние детям; сюда собралось множество отроков, которые стали терзать святого

ножами. Так сии трое святых предстали на небесах пред престолом Пресвятой, Животворящей, Божественной и Неразделимой Троицы⁷.

Кондак апостола Архиппа, глас 4:

Яко звезду великую ты церковь имущи Архиппе, чудес твоих лучами просвещаема, зовет тебе: спаси верою почитающыя память твою.

1 Святой Амвросий был епископом Медиолана (ныне Милан, на севере Италии. Для западной половины Вселенской Церкви он имел такое же значение, какое Василий Великий для восточной, потому что подобно ему прославился как ревностный поборник православия. Много осталось от него и писаний, в которых он частью излагает учение веры, частью объясняет Слово Божие, частью поучает христианским добродетелям. Свидетельство об Апостоле Архиппе находится у Амвросия в его изъяснении послания Апостола Павла к Колоссянам, в котором сказано: **"Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе"** (Кол. 4:17). Скончался св. Амвросий в 397 году. Память его 7-го декабря.

2 Святой Епафрас был Апостолом из 70-ти. Вместе с Апостолом Павлом он содержался в Риме в узах. Память его празднуется 4-го января (собор 70-ти апостолов).

3 Колоссы - город в юго-западной части Фригии (область Малой Азии), при реке Ликусе, близ Лаодикии и Иераполя. В древности был большой, населенный, богатый город. В настоящее время это небольшая деревенька на одном из скатов Хокас, при которой сохранились еще развалины древнего города Колоссы.

4 Во времена Апостолов христиане не имели особых мест для молитвенных собраний. Обыкновенно для этого служила какая-нибудь самая лучшая горница, по большей части, в доме какого-нибудь состоятельного из верующих, и в ней-то собирались все христиане города для совершения таинства Евхаристии и общественных молитв. Таким образом, простая горница являлась как бы храмом. Первообраз такого храма-горницы мы имеем в известной Сионской горнице, в которой, по преданию, была совершена Тайная вечеря Господом Иисусом Христом пред Своими страданиями, и в которой по вознесении Господа собирались Апостолы, получив в ней, в пятидесятый день, по воскресении Его, дары Святого Духа, сошедшего на них.

5 Газа - один из самых древнейших Филистимских городов, служивший пределом Ханаяев на юге Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял всё свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал некогда значительный город. Недалеко отсюда расположен новый город, позднейшего происхождения, того же имени.

6 Артемида, иначе Диана - известная языческая богиня у греков и римлян, которая олицетворяла собою луну и считалась покровительницею лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с большим великолепием и блеском; особенно чтили ее в городе Ефесе.

7 Апостолы Архипп и Филимон и святая жена Апфия скончались в царствование римского императора Нерона (54-68 г.). Память их празднуется Церковью также и 22-го ноября.

Преподобный Феодор Санаксарский

Дни памяти:

4 марта (переходящая)

4 мая - Обретение мощей

5 июня - Собор Ростово-Ярославских святых

Преподобный отец наш Феодор Санаксарский родился в 1719 году близ села Романова Ярославской губернии в родовом имении благочестивых дворян Игнатия и Ирины Ушаковых и при Святом Крещении был наречен Иоанном. Возраставшего в родительском доме отрока от юности напитывали благочестием, усердно научая его Закону Божию и добродетельной жизни. Когда Иоанну было четыре года, у него умерла мать. Вскоре отец женился

второй раз. Его новая супруга Параскева и воспитала отрока Иоанна в вере и благочестии.

Когда Иоанн достиг совершеннолетия, его родители, как люди состоятельные, определили юношу на воинскую службу в гвардейский Преображенский полк в Санкт-Петербурге, где за особое усердие Иоанна вскоре произвели в сержанты.

Живя в столице, в довольстве, среди веселых и беспечных товарищей, среди раздольного быта и увеселений, обычных тогда в столице и гвардии, молодой Иоанн Ушаков легко мог бы со временем потерять свои природные благочестивые наклонности, ибо, по слову апостола, «худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор.15:33). Но человеколюбивый Господь, не желающий смерти грешника, но ожидающий обращения его и «еже живу быти ему» (Иез.18:23), не оставил юношу окончательно уклониться от благого пути правды Божией и погибнуть в развращении, но сподобил его прийти к покаянию следующим образом.

Во время обычного шумного собрания гвардейцев-товарищей Иоанна, в самый разгар веселья, один из юношей, бывший до того совершенно здоров и весел, внезапно упал замертво. Увидев умершего без покаяния товарища, Иоанн, словно очнувшись от обаяния мирских соблазнов, внезапно осознал всю непрочность того, что люди называют счастьем. Тотчас же решился юноша оставить все: воинский чин, друзей, родителей и всю красоту этого мира, и тайно бежать в пустыню, желая стяжать звание воина Царя Небесного, наследовать гражданство Небесного Иерусалима, «вчиниться в лице друзей Христовых» среди истинной красоты Царствия Божиего. Жаждающая сугубого подвига юная душа укрепилась тогда словами преподобного Иоанна Лествичника: «Изыдите от среды их и отлучитесь и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь. Кто бо когда у них сотвори чудеса? Кто мертвые возстави? Кто изгна демонов? Никтоже. Вся бо сия иноком суть награждения, яже мир вместити не может; аще же бы возмог, то к чему бы был иноческий подвиг и отшельничество?» (2 ступень Лествицы).

Вняв, таким образом, всем существом своим гласу Божию, зовущему к каждому сердцу, но не в каждом находящему отклик, Иоанн, наскоро собравшись, спешно выехал из столицы с одним слугой, как бы в родительский дом, желая лишь обителей Отца Небесного. Отъехав далеко от города, юноша отпустил слугу, переделся в нищенскую одежду и пошел на берега Двины в поморские леса.

После нескольких дней пути попустил Господь Иоанну испытание тщеславием, желая укрепить через это Своего раба.

На дороге вблизи Ярославля неожиданно встретился ему родной дядя, выезжающий из города в роскошной карете со множеством слуг. Желая приветствовать родственника, Иоанн поклонился дяде, но тот, не узнав в оборванной одежде своего племянника, даже не обратил на него внимания. Сильная скорбь и смущение возмутили душу молодого подвижника. Вспомнил он свою прежнюю безбедную жизнь и богатство, не уступающее дядиному. Враг спасения нашего, ободренный мгновением смущения, тотчас представил воображению юноши ослепительные картины балов и торжественных выездов. Представил он множество слуг и легкую жизнь в роскоши и неге, все яркие соблазны столичной жизни и удалое веселие гвардейского полка. Но Иоанна, познавшего суетность земного счастья, уже не прельстили диавольские ухищрения. С молитвою, осенив себя крестным знаменем, юноша превозмог минутное сомнение и с новыми силами направился к поморским лесам, ставшим для него началом пути ко спасению.

Вскоре, неуклонно преодолевая борения и соблазны, Иоанн, едва переступивший порог двадцатилетия, достиг лесов на берегах Двины. Углубившись в лесные дебри, молодой подвижник нашел в чаще опустевшую келлию и жил в ней один более трех лет, одному лишь Богу работая в сокрушении сердца, подвизаясь в посте, молитве и терпении скорбей. Пищу, самую скудную, и все немногое, необходимое для жизни, ему приносили боголюбивые жители окрестных селений.

Вскоре местное начальство усилило гонения на селившихся в северных лесах раскольников, а при случае теснило и уединившихся там православных пустынников,

проживавших без документов. Начали притеснять и Иоанна, подозревая в нем раскольника; он же терпеливо сносил все оскорбления и даже побои.

Однажды, увидев святого, вынужденного прийти в ближайшее селение за самым необходимым, некоторые поселяне вновь стали несправедливо оскорблять Иоанна. Подвижник все сносил в молчании и смирении. Не вынося такого обличения своей злобе, нечестивцы настолько распалились ненавистью, что с побоями поволокли святого в ближайший город Архангельск для суда и расправы. Скорбя о таком падении собратьев, преподобный умолял их отпустить его и обещал совершенно покинуть поморские леса, лишь бы не быть причиной соблазна и злобы. Но мучители преподобного лишь усерднее влекли Иоанна на расправу, словно прообразуя будущие его мучения за правду Божию. Но вскоре сильная усталость овладела нечестивцами, и они, вняв, наконец, усердным молениям святого, как бы нехотя отпустили его. С таким большим трудом освободившись, Иоанн вынужден был спешно перейти из своей уединенной келлии в Площанскую пустынь Орловской губернии.

Придя в Площанскую пустынь, Иоанн при встрече с настоятелем обители назвался церковнослужителем. Старец игумен долго не соглашался принимать пришедшего без вида (паспорта) юношу, остерегаясь раскольников или беглых преступников. Лишь уступая настойчивой и усиленной просьбе, настоятель поставил Иоанна читать в церкви богослужбное последование и из его чтения сразу понял, что перед ним не церковник, а какой-нибудь дворянский сын. Опасаясь, как бы из-за него не было в обители какой-либо неприятности, настоятель поселил Иоанна в одной из отдаленных келлий в лесу, устроенных прежде жившими там подвижниками.

Но недолго пожил любитель безмолвия в пустыни. По прошествии немногого времени благоволил Господь явить Своего светильника миру. По высочайшему повелению послана была сыскная команда для выявления всех, укрывающихся в лесах от закона, и для разорения их тайных жилищ. Взят был и Иоанн как не имеющий вида. При допросе он откровенно сказал, что тайно ушел из службы в гвардии, а потому сразу был доставлен в Санкт-Петербург к императрице Елисавете Петровне.

Случись такое событие на несколько лет раньше, в царствование суровой Анны Иоанновны, несдобровать бы Ушакову. Но Елисавета Петровна была ласкова, набожна, чтит монахов и покровительствовала настоящим пустынножителям.

Приведенный во дворец, Иоанн в ожидании приема у государыни был поставлен под царским крыльцом. А так как прежде ухода из мира он был известен многим как природный дворянин и немалый чин в Преображенском полку, то по Петербургу, а в особенности в гвардейских полках, быстро пронеслась весть, что сержант Ушаков сыскан. Многие допущенные ко двору собрались посмотреть на молодого подвижника, смиренно стоящего у крыльца. За прошедшие шесть лет Иоанн сильно изменился, и трудно было в этом изможденном постом человеке узнать блестящего гвардейца, веселого товарища по столичным забавам и развлечениям. От великого воздержания Иоанн был сух и бледен лицом, одет лишь во скудную власяницу, подпоясан простым ремнем. Но особенно поражала всех лежащая на преподобном печать глубокого смирения и послушания воле Божией, словно пронизывающая молодого подвижника. Видя это, многие умилялись и клали в своем сердце намерение оставить мир и следовать тесным путем, подобно Иоанну, в Царство Небесное.

После доклада Иоанна провели к императрице. Увидев преподобного, она по-матерински милостиво спросила его: «Зачем ты ушел из моего полка?» «Для удобства спасения души, Ваше императорское Величество», – с кротостью отвечал Иоанн. «Не вменяю тебе побега в проступок и жалую тебя прежним чином, – сказала государыня, испытывая твердость намерения Иоанна, – вступай в прежнее звание». На это святой ответил: «Ваше величество, в начатой жизни для Бога и спасения моей души желаю пребыть до конца, а прежней жизни и чина не желаю». Снова спросила его императрица: «Для чего же ты тогда не спрося ушел из полка? К такому деланию и от нас ты мог быть

отпущен». «Если бы тогда просил я об этом ваше величество, то не поверили бы Вы мне, молодому и не испытывавшему всей трудности монашеского жития. Теперь же, после убогого моего искуса, утруждаю ваше величество просьбой – дайте мне умереть монахом». Видя такую решимость подвижника, императрица спросила Иоанна, где бы желал он подвизаться. «В Саровской пустыни, ваше величество». Государыня согласилась, но, испытывая смирение молодого подвижника, оставила его для принятия монашеского пострига в Александро-Невской обители Петербурга.

Так, по воле Божией и согласно императорскому повелению, после трехлетнего послушнического искуса в Александро-Невской обители 13 августа 1748 года 29-тилетний Иоанн Ушаков был пострижен в монахи. Постриг в присутствии императрицы Елисаветы Петровны совершил начальствовавший тогда в обители высокопреосвященнейший Феодосий, нарекийший нового монаха именем Феодор, тезоименно великому князю Феодору Смоленскому (память 19 сентября).

С самого первого дня своего монашеского делания Феодор, внимая своему спасению, неисходно подвизался в той обители, любя безмолвие, неустанно упражняясь в посте и молитве.

Когда же восхотел Господь испытать Своего раба и укрепить его твердость и терпение, то попустил ему плотскую брань, такую, что и сам Феодор удивлялся ей. Однако, возложив все упование на Бога и ожидая лишь от Него избавления, преподобный усилил прилежное моление и постился до изнеможения. Бог же, видя Своего раба, в подвиге усердно подвизающегося, облегчил ему плотскую брань, посрамив завистника нашего спасения.

Но вскоре явилась по зависти вражией новая брань. Произошло это по следующей причине.

Видя и зная истинно подвижническую жизнь преподобного Феодора, государыня императрица Елисавета Петровна была к нему по-матерински милостива и внимательна. Бывая в обители, она всякий раз спрашивала, не обижает ли его кто. А наследник, впоследствии император, Петр Федорович и вовсе любил при случае повторить, что «в Александро-Невском монастыре только один монах – Ушаков», уважая его подлинное благочестие, постный, в отличие от прочих монахов, вид и добродетели. Жители же Петербурга, всякого чина и звания, вспоминая веселую жизнь сего отца в бытность его гвардейцем, удивлялись, видя настоящее его строгое монашеское житие и почет от царственных особ, и склоняли свои души к покаянию.

Вскоре петербургские жители, хотящие жить в мире богоугодно, начали приходить к нему, умоляя дать наставление: как им, с детьми в мире живущим, угодить Богу. Преподобный Феодор со смирением отказывался от этого, указывая приходящим на многих ученых монахов, живущих в обители, могущих научить праведной жизни. Однако посетители искали не учености, а опытности духовной. Постническая жизнь самого Феодора, усердно следовавшего путем Христовых заповедей, побуждала людей вновь просить молодого подвижника разрешить их духовные нужды и недоумения, неразрешенные учеными монахами. В числе обращающихся к нему были и гвардейцы, прежние его сослуживцы.

Видя неотступность приходящих к нему и крайнюю необходимость помочь людям, преподобный Феодор сокрушал себя прилежной молитвой, прося у Бога просветить его разум к пониманию Писания, если Его святой воле угодно, чтобы люди назидались через его недостойнство. И не оставил Господь Своего угодника, сподобив его дара разумения Писания и умения ясно разрешать все духовные нужды в людях. Чтение же творений святителя Иоанна Златоустого наполнило его душу от чистого источника духовной мудрости и поучениям старца Феодора дало изящность и ясность. Поэтому и обратился к святому скорбящий народ за советом и утешением.

Но жившие в обители ученые монахи из зависти, а затем и ненависти, начали жаловаться Высокопреосвященнейшему, что простой-де монах привлекает к себе народ, беспокоит обитель и производит соблазн. Владыка, ежедневно слыша доносы и видя множество

людей, идущих к преподобному, приказал казначею не пускать в обитель людей, идущих к преподобному за советами и утешением, чем вверг чад старца Феодора в великую скорбь и уныние.

Преподобный Феодор, сидя в безмолвии в своей келлии, слыша и видя совершающееся несправедливое повеление, раздражился духом, как и о великом Златоусте говорится, пошел в келлию казначея той обители и, при обычной скромности своей, сказал ему: «Прошу ваше преподобие объяснить мне, почему запрещен вход в монастырь для желающих приходить ко мне и кто это запретил?». Казначей отвечал старцу: «Не годится тебе в дела учительства входить и через хождение к тебе толпы народа братию соблазнять. Уже и высокопреосвященнейший, видя такую непристойность, приказал все это запретить». На это блаженный ответил ему: «Если в моем учении есть что-то незаконное, то пусть архиерей обличит меня. А без причины наводить такую скорбь людям, желающим видеть мое убожество, не архипастырское дело. Судит ему за это Господь Бог». Тут же об этом ответе стало известно высокопреосвященнейшему, который, тщательно исследовав учение старца, не нашел ничего запрещенного и вынужден был вновь допустить к преподобному народ, но с того времени стал гневаться на Феодора и измышлять на него козни с прочими клеветниками и завистниками. Так досаждали они святому, что и день и особенно ночь был старец Феодор в опасности. Но помня, что и влас главы нашей без воли Божией не погибнет (Мф.10:30), преподобный не оставлял своего учительства и поучал всех, приходящих к нему в различных духовных недугах – наставлениями врачую и утешая. Крепко держал в памяти преподобный слово Сирахово: «Лучше слово, нежели даяние» (Сир.7:35). И в творениях Златоуста тоже: «Случается часто, что приятное (полезное) слово больше довольствует неимущего, чем подавание...добрым советом может быть большее приобретение, ибо не голод насыщается, но спасается от лютой смерти» (25 беседа на Деяния; 41 беседа на Бытие).

Так блаженный Феодор не оставлял своего доброго подвига и усердно помогал всем, приходящим к нему в душевных скорбях. Отводил от отчаяния страждущих недоумениями и наставлял на путь истинный; печали от диавола, наносимые на душу, отсекал от сердец мечом здравого своего рассуждения и приводил их в совершенный порядок христианского любомудрия. И от этого многие так возлюбили его, что всю свою жизнь на него возложили, и что бы он им ни сказал, все с радостью и великим усердием спешили исполнить за любовь к Богу. Все ученики его казались между собою как единоутробные братья через причастие небесной любви. Не было в них ни зависти, ни ревности, но удивительное кроткое согласие и единение. Им дано было от отца Феодора наставление, как оберегаться греховных страстей и сластей, воюющих на душу (1Пет.2:11), потому что тот, кто друг мирским страстям, тот враг Богу и Кресту Христову. Учил преподобный, как жить в мире, терпеть скорби ради Бога с радостью и благодарением; учил, какое носить платье и как в пище и питии быть умеренными; как быть не строптивыми и развращенными, но жить по святым правилам. В праздничные дни для душевспасительного собеседования и чтения святоотеческих творений сходиться к одному из более сведущих и образованных учеников его, а для решения недоумений приходить в обитель к старцу Феодору. Дано им было и молитвенное правило.

Но ненавидящий добро диавол не переставал многими кознями, действуя через развращенных людей, досаждал старцу и его ученикам. Ученые монахи поносили их, называя святошами и даже раскольниками. Чада же старца многие годы все терпели со смирением, принимая поношения с радостью. Росла зависть и к самому отцу Феодору за собранное им духовное братство. Особенно возросла ненависть к преподобному после того, как, поставленный у мощей св. блгв. князя Александра Невского, приносил он денег много больше, чем бывшие до него на этой должности завистники. Настолько возросла злоба вражия, что уже и к смерти готовился святой Феодор, но, не желая мстить, все терпел великодушно, молясь за своих обидчиков, хотя и имел возможность доложить императрице о творящихся беззакониях. Как ни желали завистники сослать преподобного в дальние

монастыри, но не могли сделать этого без воли государыни и только злобствовали на блаженного и причиняли ему досаждения и неудобства.

Потерпев таким образом десять лет и видя себя источником гнева, сильной злобы и соблазна, преподобный Феодор решился уехать из обители по слову Христову: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф.10:23). Святой Феодор просил начальство Лавры отпустить его в Саровскую пустынь, куда и прежде хотел поступить. Вскоре желание старца, не без содействия возликовавших врагов святого, было исполнено. Получив желаемое увольнение, преподобный исходатайствовал у Св. Синода отпускные грамоты для своих духовных чад, желавших следовать за старцем в Саров, и в 1757 году выехал из Санкт-Петербурга с радостью, после долгой борьбы и томления духа. С ним выехали и привязанные к нему духовной любовью ученики и ученицы, оставившие блага града земного ради Града Небесного. Прибыв в г. Арзамас и не доезжая 60-ти верст до Сарова, старец поместил немногих своих учениц в девичьем Никольском монастыре, а сам с учениками поселился в Саровской пустыни. Вскоре умножившиеся ученицы преподобного переведены были в Алексеевскую общину, где жили в строгом следовании уставу, данному старцем.

Прожив в Саровской пустыни два года, отец Феодор, видя растущее число своих учеников, счел неудобным руководить ими, так как и сам был лишь послушник саровский. Наученный горьким опытом благоразумной осторожности, старец просил отцов саровских дать ему обедневшую Санаксарскую обитель, находящуюся в трех верстах от уездного города Темникова, на левом берегу реки Мокши.

Санаксарская пустынь получила свое начало в 1659 году в царствование царя Алексея Михайловича. Место под будущую обитель дал житель города Темникова дворянин писец Лука Евсюков, пригласивший из Старо-Кадомского монастыря первого строителя и настоятеля игумена Феодосия, построившего в 1676 году, по благословению святейшего патриарха Московского и всея Руси Иоасафа II, первый храм обители в честь Сретения иконы Божией Матери Владимирская. Название свое монастырь получил от расположенного под его стенами небольшого озера Санаксар (что на местном наречии означает буквально «лежащее в болотистой ложбине у возвышенности»). Просуществовав около ста лет, Санаксарская обитель от недостатка средств и братии запустела и была приписана к Саровской пустыни, в самую цветущую ее пору.

Преподобный Феодор, обладавший пустыннолюбивым духом, пленившись красотой монастырских окрестностей и совершенным уединением, удобным для монастырского жития, сразу возымел твердое намерение возобновить Санаксар.

Получив согласие и благословение от своего старца, строителя Саровского, благосердного отца Ефрема, преподобный в 1759 году переселился в Санаксарскую пустынь со всеми учениками своими, положив начало доброму подвигу о Господе.

К приезду отца Федора единственная церковь обители была ветха и бедна, деревянные келлии и ограда почти развалились, кровли сгнили. Оставаясь пока официально в зависимости от Сарова, преподобный, как командированный строитель, начал возобновлять кровли тесом, а некоторые келлии и ограды построил заново деревянные. В строительстве отцу Феодору помогали своими средствами благотворители, знавшие и почитавшие его за добродетельную жизнь в Александро-Невской Лавре Петербурга. Много старания пришлось приложить старцу, чтобы возратить и укрепить вновь за обителью некогда принадлежавшие ей лесные угодья, сенные покосы и рыбные ловли.

В то время епархиальным архиереем был преосвященный Пахомий, епископ Тамбовский. Зная отца Федора и радуясь возрождению Санаксарской обители, владыка призвал к себе преподобного и умолял его быть в Санаксаре настоятелем, приняв священство. Старец по смирению усердно отказывался от хиротонии, но, убежденный, 13 декабря 1762 года был рукоположен в иеромонаха.

Глубоко проникнутый сознанием высоты и святости принятого им сана, святой Феодор по возвращении своем в пустынь начал служить Господу со страхом и чистой совестью. С

невыразимым благоговением совершал он богослужение в церкви. Во время совершения Божественной литургии старец сиял необычайной красотой и весь тот день находился в особой радости, ярким румянцем выражавшейся на его лице, так что исполнялось на нем слово пророка: «сердцу веселящемуся, лице цветет» (Притч.15:13).

Настоятелем преподобный Феодор был твердым и строгим. По словам монастырской летописи, он «наблюдая сей высокосвященный сан священства, правлением пустыни и всея в ней находящиеся братии достойно соответствовал должности начальника: наставлял истинной вере и благочестию всех приходящих к нему, желающих препровождать жизнь богоугодную; ибо как он чрез многия лета монашествовал добропорядочно и в благочестии, то отменными был украшен дарованиями: нарочитое имел в наставлениях искусство, в рассуждениях был остр и пространен, и прочия, касательно благоустройства жизни человеческой, имел превосходныя качества; отнюдь не склонял желание свое к стяжанию славы и богатства мира сего, но любил паче уединение и поучение словес божественных, жизнь свою посвящал трудам и попечению о спасении душ человеческих».

В церкви отец Феодор требовал отдельного неспешного чтения – так, чтобы и простым людям было понятно. В общем на богослужения посвящалось в пустыни в сутки часов девять, а в воскресные дни и полиелейные дни – десять и более того; при всенощном же бдении до двенадцати. Но при внимательном чтении молящиеся чувствовали в себе особую силу и усердие и не скушали от долготы службы. О необходимости хорошего чтения настоятель говорил так: «Если, по слову апостола, в воинских полках труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? (1Кор.14:8). Так и мы скоротечным будем только воздух церковный наполнять, а силы внутреннего смысла читаемого не поймем. Души наши останутся голодными духовно, без назидания. Не чтение слова Божия, а внутренняя сила и дух оно, понимаемые нами, служат нам ко спасению».

Вот слова, которые и теперь заслуживают по мудрости и выразительности своего самого широкого распространения!

Один из опытных подвижников Киево-Печерской Лавры, старец Парфений писал: «Ни один инок не возвращается в келлию свою таким, каким вышел из нее», так как внешний мир рассеивает внутреннюю сосредоточенность. Так вот, в предохранение иноков от этого рассеивания, в ограждение молитвой от могущих их встретить за стенами келлий искушений, отец Феодор предписал им перед выходом из келлии в церковь и обратно молитвы: «Боже, милостив буди мне грешному! Боже, очисти грехи моя и помилуй мя! Без числа согреших, Господи, прости мя! Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим!» и «Достойно есть» до конца.

В церкви братия должна была стоять не только безмолвно, но и не глядя на других. Поклоны полагались не кто как вздумает, а сообразно тому, как клал поклоны читающий и клиросные.

Старец завел в обители самую первую и прочную основу иночества: личное руководство братии и полное откровение помыслов. Если кого тревожили помыслы – днем ли или ночью, – всякий мог немедленно идти к настоятелю. Отец Феодор отечески выслушивал инока и, успокаивая его, говорил с ним хоть час или два, и отпускал от себя лишь когда помысел, искушение это, утихали. Братия признавалась, что при выходе от старца чувствовалась на душе какая-то свобода и тишина.

Есть позволялось только за трапезой, в келлии можно было брать лишь квас. Пища была самая грубая. Пирогов и белого хлеба не пекли и в Светлую седмицу – разве кто присылал готовыми. Огня никому не позволялось иметь по келлиям, кроме иноков, занятых ремеслами для монастыря; его давали только для топки печей. На монастырские послушания – покос, рыбную ловлю – выходили все во главе с настоятелем.

Часто, кроме бесед наедине, по отдельности, отец Феодор поучал братию и в трапезе. Много объяснял он необходимость иметь духовного руководителя. «Иоанн Лествичник, – говорил старец, – поучает, что весь подвиг монашеского жития состоит в отсечении воли. А без этого всякий, живущий в монастыре, не монах, а мирянин. Как невозможно плавать

кораблю без кормчего и обучающемуся какому-либо художеству обойтись без мастера и учителя, так тем более невозможно вступающему в монашество без опытного наставника спасти душу».

Очень мудрый ответ дал старец на следующий вопрос одного помещика: «Если человеку, живущему в мире, не должно стремиться к наслаждению благами этого века, то для чего сотворено Богом на земле столько приятных вещей? Как даны две противоположные заповеди – о пользовании благами мира и о посте и воздержании?» Отец Феодор ответил: «Как судить нам о тайнах Божиих! Наше дело – беспрекословно повиноваться истине. Вспомним, что и в раю дана была заповедь воздержания от плодов древа познания добра и зла. Видно из этого, что пост сроден естеству человека. Но если бы по этой нужде поста Бог не благоволил сотворить в таком обилии благ земных, тогда пост у всех был бы невольный. Нужно думать, что обилие благ на земле не для наслаждения, а для совершенного поста. Не невольного поста ждет от нас Бог, а восхотел, чтобы мы, при всем изобилии, не воздерживались лишь, а постились из любви к Нему, как заповедано святой церковью. Обилие же благ земных Бог послал в утешение для немощных, больных, престарелых и младенцев».

Никому из братьев старец не давал предпочтения перед другими: был ли кто его постриженник или пришлый – все встречали в нем одинаковую к себе заботу.

Избегая поводов тщеславия, он не постился более, чем было установлено, и, присутствуя всегда при братской трапезе, питался наравне со всеми, только беря всего понемногу.

К народу преподобный был милостив. Как-то ему доложили, что рабочие, производившие в монастыре постройки, взяли лишние деньги, и едва ли можно надеяться, что они вернут их. Старец на это ответил: «Они народ бедный. Пусть этот излишек будет им вместо милостыни».

К такому настоятелю и мудрому учителю естественно стремились жаждущие спасения и доброй подвижнической жизни. Вскоре собралось в Санаксарской обители до 20 человек братии. Но так как они еще не были пострижены в монашество, а сделать это тогда можно было только с разрешения императрицы и Синода, то отец Феодор начал ходатайствовать об этом через графа А.Г. Орлова, знавшего преподобного лично. В благоприятный момент доложено было о сем самой императрице Екатерине II Алексеевне, и она благоволила разрешить постричь в монашество двенадцать верных учеников старца Феодора из отставных гвардейских служащих, что и было подтверждено именным указом от 23 апреля 1763 года. Потом было разрешено постригать и всех братьев, желавших жить под руководством отца Феодора.

В следующем году, когда по случаю учреждения монастырских штатов Санаксарская обитель подлежала упразднению, ходатайством отца Феодора она была оставлена в числе действующих, 10 августа 1764 года преподобный стал ее начальником, а 7 марта 1765 года высочайшим указом велено было Санаксару именоваться монастырем.

По причине умножения братии отец Феодор положил намерение вместо деревянной, уже обветшавшей церкви построить каменную двухэтажную с верхним летним храмом в честь иконы Божией Матери Владимирская и нижним теплым – во имя усекновения главы св. Иоанна Предтечи. На построение нового храма по ходатайству придворных лиц, особенно графа Алексея Григорьевича Орлова, покровительствовавшего старцу, по именному повелению государыни было выдано из ее кабинетных денег 1000 рублей на поправление обители и дана благословенная грамота от преосвященнейшего Павла, епископа Владимирского и Муромского, от 15 сентября 1765 года.

Заготовив необходимые материалы и получив от благотворителей и почитателей своих из Петербурга денежные пожертвования, отец Феодор по утвержденному архитектором плану приступил к постройке нового храма. Под личным его наблюдением строительство храма производилось с 1765 по 1774 год. Когда были вырыты рвы в основании церкви, во время молебна прилетел рой пчел и сел на горнем месте будущего алтаря, прообразуя

обильную благодать в обители и множество монахов в ней. Преподобный Феодор велел одному брату, о. Герасиму, огрести пчел в улей, и с тех пор появились в обители свои пчелы. Окончательно построенный пятиглавый храм имел 14 сажен в длину, 8 в ширину и 24 в высоту.

Ценные указания о внутреннем строе первоначальной жизни в Санаксарской обители сохранились в записках известного архимандрита Новоезерского Феофана, бывшего учеником отца Феодора, а затем келейником митрополита Петербургского Гавриила.

Он пошел в монастырь в 18 лет, под впечатлением моровой язвы. «Мы искали, – пишет он, – где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали. В Саровской пустыни – нет, еще слабо! Пошли к о. Феодору в Санаксар. Обитель забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отесаны, и свеч-то не было: с лучиной читали в церкви. И платье-то какое носили: балахоны! Один смурый кафтан был для одного, который для покупок выезжал... Начало-то обители было в недостатках, трудно. Ноги обертывали онучами из самой грубой пеньки, а босиком не ходили. Я с о. Макарием (из гвардейцев) в одной келлии жил. Ему больше всех искушения было от отца Феодора. Тем, которые любили разбирать платье, он давал балахоны худо сшитые, с долгой спиной и с заплатами. Один из таких балахонов о. Феодор и дает о. Макарию. Тот смущается, придет к о. Феодору, показывает, как на нем сидит балахон, какая спина. О. Феодор начнет увещевать: «Зачем пришел в монастырь? Да есть ли разум? Что вы, чем занимаетесь? Лишаетесь милости Божией. – Тряпками занимаетесь. А надо заниматься тем, чтобы душу свою очистить, чтобы ни к чему временному не пристраститься». А после уж к такой одежде привыкли. А чтобы при себе что-нибудь свое иметь – этого уж не было! Огня в келлии никогда не бывало. А послушание было такое, что я сам и полы мыл, и щепки собирал, и пищу варил. Сами караулили по ночам. Походим, да поклонов несколько земных и положим, помолимся.

А отец-то Игнатий раза два к преосвященнейшему при мне уже бегал. И когда был поставлен иеродиакonom, то с вечера примочил волосы, заплел да после и расчесал, надел парчовый стихарь, а сам в лаптях! Как стал на амвон, о. Феодор его подозвал: «Ты, – говорит, – павлин, хвост-то распустил, посмотри на ноги-то; поди, сними-ка стихарь-то!» Тот оскорбился и убежал ночью к преосвященнейшему Иерониму жаловаться, что пристыдил, посрамил его, а владыка и прислал его к о. Феодору, чтобы на поклоны поставил.

О. Феодор никого из братии не удерживал силою и говорил: «У меня ворота отворены для всех, кто хочет выходить», а уж слова «не хочу» не терпел и слышать не мог. Однажды о. Феодор по окончании трапезы остановил всю братию и сказал: «Ну, отбирайтесь: кто хочет в пустыню – на одну сторону, кто со мной – на другую!» Поотобрались. Кто пожелал в пустыню, со всеми последовал худой конец, потому что оставили послушание, а все были такие молитвенники, постники».

Из числа учеников старца впоследствии вышло несколько настоятелей, вдохнувших новую иноческую жизнь в упадавшие монастыри. Таковы: Игнатий, настоятель Островской Введенской (близ г. Покрова Владимирского) пустыни, затем Пешношского монастыря, Тихвинского и восстановитель Московской древней упраздненной Симоновой обители. Макарий, тоже из гвардейцев, был преемником о. Игнатия в Пешношском монастыре. Очень большую заслугу в деле оживления русского иночества истинно монашеским духом оказал о. Феофан (Новоезерский). Через него митрополит Гавриил познакомился с искушенными в духовной жизни иноками, которых и назначал в настоятели великорусских монастырей, дотоле управлявшихся очень неудачно, в смысле нравственного руководства братией, учеными малороссиянами из Киевской Академии.

Крепкий духом, отец Феодор не хотел знать уступок нововведениям и обычаям, которые он считал несогласными с иночеством. Однажды в Москве, когда старец обедал у одного господина с настоятелями московских монастырей, зашла речь о монашеской одежде, и настоятели, объясняя о. Феодору, что по городским обычаям им невозможно носить

простые и дешевые материи, спросили о том его мнение. «Могли бы вы, отцы, – отвечал им пустынножитель, – иметь себе оправдание, если бы при пострижении перед Святым Евангелием давали обеты о претерпении нищеты по другим каким правилам. Но как чин пострижения один и обеты одни, то немного тут требуется толкования. По страстям же толковать и послаблять себе – это в свое время послужит к осуждению таковым себе потакателям. Неприлично духовным людям иметь богатое платье, келейных служителей светских с пуклями, также богатые кареты, как знак любви к пышности. Монах не светский господин, а человек, умерший миру, хотя и настоятель». Вспомним, что так говорил человек, привыкший в юности ко всяким удобствам, видевший близко блеск двора. При этих условиях слова о. Феодора становятся еще ценнее.

И ученики преподобного удивляли городских иноков своею чисто иноческою последовательностью и осмотрительностью. Сопровождавший о. Феодора в Москву ученик его был послан по делу на Дмитровку и зашел по дороге к обедне в Георгиевский монастырь, бывший раньше на этой улице. По окончании обедни, игуменья пригласила его к себе пить чай. Послушник ответил: «Так как о. Феодор в Москве, то я не смею идти к вам без его благословения» – и ушел. Едва в его присутствии игуменья не воскликнула: «Вот – это послушание!». По уходе же послушника сказала сестрам: «Слышите, сестры: вот как живут настоящие монахи».

Смушались некоторые, что преподобный управлял двумя монастырями: своим и женским Алексеевским (община в Арзамасе), который он основал. Ходили к знаменитому схимнику Досифею в Киев с этими недоумениями, на что старец Досифей спросил: «Вы слабости в нем какие-нибудь заметили?». – «Нет, он строгой жизни». – «Недостатки, что ли, какие есть?» – «Никаких нет». – «За кого вы его почитаете?» – «За святого». – «Грамоту он знает?» – «Ученый». – «Что вы сомневаетесь! Умная голова не только два стада, но и десять может пасти!» Так и успокоились.

Много добродетелей было у преподобного, много благ сделал он людям. Недоставало одного, чтобы увенчать достойную жизнь его: невинного страдания, и Господь дал ему возможность перенести такое испытание.

Темниковский воевода Неелов пожелал иметь о. Феодора своим духовным отцом. Старец предупредил его, что будет требовать повиновения во всем, что касается духовной пользы человека. При этом святой указал воеводе на заповедь апостола Павла относительно духовного учительства: «Проповедуй слово, настой благовременно и безвременно, обличь, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением» (2Тим.4:2). Воевода обещал старцу полное послушание и в течение трех лет действительно исполнял свое обещание, но потом стал нарушать посты, делать притеснения городским жителям и при каждом удобном случае брать с них поборы. Летом запечатывал печи в домах, беря за разрешение пользоваться ими по рублю; несправедливо решал дела, обвиняя невинных, а виновных, за взятки, оправдывая. Все строгие увещания и обличения о. Феодора были тщетны. Наконец, тронутый крестьянским бедствием, старец поехал в Темников 24 октября 1773 года.

Узнав о прибытии преподобного, воевода, давно решивший избавиться от старца, позвал его в канцелярию, сел за стол перед зеркалом и начальническим тоном спросил о. Феодора, что ему нужно. По праву духовного отца старец безбоязненно высказал ему все, что считал нужным, и убеждал прекратить утеснения бедным. Изобличенная злоба вместо обращения к раскаянию и любви обратила всю свою ненависть на обличителя. Призвав из соседней комнаты специально позванных и наученных свидетелей-чиновников, Неелов велел записать в протокол, что настоятель Санаксарской пустыни назвал его, воеводу, при зеркале грабителем и разорителем, и представил обвинительный протокол губернатору в Воронеж. Тотчас донесено было обо всем Синоду и императрице, которая повелела расследовать это дело.

Вскоре воронежский губернатор вызвал к себе старца для расследования. Выехав в сопровождении своего ученика Фёдора Соколова (впоследствии архим. Феофан), отец Феодор написал и подал оправдательный ответ и немедленно был отпущен обратно.

Путешествие отца Феодора – исповедника правды Божией было поучительно для многих его учеников и сопровождалось двумя особенными встречами. На пути к Воронежу, не доезжая 30 верст до Тамбова, в селе Большая Талинка проживал благочестивый диакон Михаил Никифоров, духовный сын старца Феодора. Искренне преданный духовному отцу, он строго исполнял все наставления своего старца. Отец диакон оба раза встречал своего наставника с великим благоговением и представлял ему прихожан, живущих по уставу преподобного. Эти простые рабы Божии между собою жили во взаимной любви о Господе, соединенные крепче родных, бедным и неимущим помогали, снабжая их всем необходимым. От этого все в домашнем содержании жили в довольстве. Пьянства и разных бесчинств в их селе не было – ни игрищ, ни гор, ни качелей. Церковь Божия всегда была наполнена народом, приносившим Господу Богу непрестанные моления от чистого сердца. Естественно, что такое христианское житие раздражало невежественных завистников. Учеников о. Михаила называли раскольниками, вводящими какое-то новое учение. Тамбовский наместник даже отобрал у о. Михаила все его книги и отправил преосвященнейшему епископу Тамбовскому Феодосию. Рассмотрев все книги диакона и расспросив его самого, владыка сказал, что «если бы в моей епархии все были такие священнослужители, как о. Михаил, то я спасся бы их молитвами».

Эти ученики диакона, видя старца и слыша его наставления, от умиления плакали, а когда преподобный уезжал от них, со слезами приносили все, что могли на дорогу, от усердия своего, и клали у ног отца Феодора.

Из Воронежа отец Феодор нарочно заехал в Задонский монастырь, чтобы принять благословение и посетить пребывающего там на покое святителя Тихона († 1783), известного светильника веры, благочестия и добрых дел. Святой Тихон принял старца с великой любовью. Жившие при нем келейники говорили, что никому другому он не был так рад, как батюшке отцу Феодору. Три дня продолжалась между ними духовная беседа. При отъезде преподобного святитель проводил благочестивого старца через весь монастырь до святых ворот и при прощании кланялся ему низко. Так родственны между собою все святые души!

По возвращении в Санаксар через несколько недель вышло повеление императрицы: «оного Феодора, лиша настоятельского и иеромонашеского звания, отослать яко человека беспокойного простым монахом в Соловецкий монастырь, препоручив начальнику оного монастыря неослабное за ним смотрение». В виде снисхождения к виновному приказано было отпустить с ним в сундуках все его имение, сделав предварительно его опись. Для составления описи прибыл игумен Арзамасского Спасского монастыря Иоасаф. Но имения у проводившего нестяжательную жизнь старца никакого не нашлось. Отец Феодор показал о. Иоасафу шерстяной войлок, жесткую подушку, овчинную шубу, мантию, рясу и сказал: «описывайте». В этом состояло все его земное богатство.

С этим имуществом в сопровождении двух солдат старец Феодор – ревнитель правды Божией и был отправлен в Соловецкий монастырь, не оправдываясь, но смиренно покорившись воле Божией и монаршей. Прощаясь с братией, напутствуемый слезами и молитвами санаксарских своих учеников и арзамасских учениц, старец сказал: «Кто желает жить в этой обители, пусть остается в ней; кто же не желает – пусть выходит с благословением, кто куда хочет».

Суд Божий не замедлил над воеводой Нееловым, главным виновником ссылки святого страдальца. Неделя прошла только по отправлении отца Феодора, как в город Темников явилась шайка разбойника Пугачева и разграбила город. Трусливо сбежав и оставив вверенный ему город на разорение, Неелов за эти и многие прочие свои бесчинства был подвергнут суду и штрафу и вскоре умер в городе Шацке, публично покаявшись в содеянном против старца злодеянии. Санаксарский же монастырь молитвами святого Феодора остался цел и неразграблен: шайка Пугачева даже не зашла в известный бедностью жития монастырь.

Девять лет прожил святой страдалец в Соловецком монастыре. Из Санаксарской пустыни ежегодно, по усердию к блаженному отцу и учителю, ездили по два брата навещать отца Феодора и помогать в его нуждах. Старец, находясь в самом строгом заточении, нуждался во всем необходимом. Изнемогал преподобный от холодного воздуха Соловков, страдал от угара в каменных келлиях, топившихся два раза в неделю и рано закрывавшихся, так что угорал отец Феодор до потери сознания. Часто замертво вытаскивали послушники преподобного и оттирали снегом. Ученики и послушники допускались к старцу по одному и помещались в отдаленной келлии, так что старец все время подвергался опасности умереть внезапно. Но преподобный Феодор как истинный угодник Божий претерпевал все многолетние страдания без ропота, молясь за обидчиков, в смирении и полном послушании воле Божией.

Наконец Господь восхотел возвратить невинного страдальца в Санаксарскую его обитель к ученикам, где он столь спасительно и благотворно потрудились. Один из учеников старца, монах Феофан (уже упоминавшийся нами, впоследствии архимандрит, возобновитель Кирилло-Новоезерского монастыря), будучи судьбами Божиими взят в келейные служители к митрополиту Петербургскому Гавриилу, понуждаемый совестью и любовью к старцу, постарался о возвращении отца своего. Он доложил митрополиту, что старец Феодор совершенно напрасно и долго страдает, и просил оказать милость возвратить преподобного в Санаксар. Высокопреосвященнейший Гавриил, истинный подвижник Божий и покровитель всех, добре о Господе подвижающихся, потребовал записку с объяснением всего дела. Так как отец Феофан сам ездил со старцем в Воронеж на суд губернатора и писал от имени старца ответ по его обвинению, то, зная хорошо все дело, без затруднения составил подробную записку.

По этой записке митрополит в Великий Четверток 1783 года, совершая чин умовения ног в дворцовой церкви, после службы объяснил государыне императрице Екатерине Алексеевне дело отца Феодора и уверил её, что старец страдает напрасно. Дело о нем решено в превратном виде, совсем противно его благочестию, ревностному по Боге духу. Между тем невинный страдалец, находясь уже девятый год в Соловецком заточении, от холодного климата и разных лишений совершенно изнемог. Государыня при этом спросила: «Сколько лет от роду старцу?» Митрополит ответил, что лет семьдесят, на что императрица возразила: «Столько лет ему, кажется, не будет. Я его знаю».

На другой день – 18 апреля – было прислано митрополиту именное повеление о возвращении монаха Феодора из Соловецкого монастыря. Это повеление владыка тогда же отвез в Св. Синод, вследствие чего и велено было возвратить старца в Санаксарскую обитель в прежнем сане иеромонаха. Боголюбивый святитель Гавриил написал отцу Феодору письмо, прося, чтобы тот по пути из Соловков заехал к нему в Петербург для встречи. Но старец по крайней своей немощи смиренно отрекся от этого, а сразу направился через Вологду, Ярославль и Владимир и 9 октября 1783 года прибыл в Арзамас.

В этот день во время утрени встретили своего духовного отца два санаксарских иеромонаха и ученицы Алексеевской общины. Старец преподавал всем благословение и радовался с радующимися. Здесь он прожил целую седмицу, ежедневно посещая общество Алексеевское, как истинный пастырь и отец, поучая и утверждая души своих учениц, для которых и до самой своей кончины был наставником ко спасению.

Приезжали для свидания с отцом Феодором и настоятели окрестных арзамасских монастырей, равно как и почетные господа, и купечество, мужчины и женщины, многие из которых просили старца посетить их дома для благословения и духовного назидания. Отец Феодор исполнял их благочестивые желания и благословлял дома многих именитых и простых людей города.

По прошествии недели старец отправился в свою родную обитель. Версты за три до Санаксара выехал навстречу отцу Феодору казначей обители, а к перевозу на реке Мокша вышло все братство Санаксарское. Отсюда, приняв благословение старца, все вместе направились в обитель. Войдя в церковь и приложившись ко святым иконам, по обычном

поклонении друг другу, радуясь духовно, отец Феодор благодарил братию за всю любовь их к нему в изгнании и оказанную теперь, а также и за прибавление благоустройства в обители. В то время уже были совершенно благоустроены и украшены обе церкви – соборная двухэтажная, с престолами во имя Рождества Богородицы и усекновения главы св. Иоанна Предтечи, и больничная во имя Владимирской иконы Богоматери. Много было построено за эти девять лет и других зданий с колокольной.

Таким образом, несказанно утешившись возвращением в родную обитель и умиротворившись духом, старец и ученики вновь начали подвизаться в мире и радости духовной.

Но не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но паче восхотел, чтобы они пребывали в скорбях, унижении и оскорблениях. Ибо тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут в скорбях (Св. Исаак Сирий. Слов. 36). Так и старец Феодор, как истинный раб Божий, недолго наслаждался миром и покоем.

29 октября 1783 года, буквально через несколько дней по прибытии отца Феодора в Санаксарский монастырь после девятилетнего отсутствия против него перед всей братией воздвиг клевету иеродиакон Иларион, бывший одно время с отцом Феодором в Соловках. Иларион назвал старца «противником Церкви, еретиком и атеистом». Дело было отправлено в Синод и по тщательном рассмотрении разрешилось тем, что Иларион был признан клеветником и наказан со всей строгостью, причем просил прощения у о. Феодора перед всей братией.

Так как многие приезжавшие в обитель стали ходить для наставлений и бесед к отцу Феодору, равно как и из братии многие ходили к нему для откровения помыслов и решения недоумений совести, то настоятель, хотя и бывший ученик старца, по немощи человеческой считая себя как бы униженным, оскорбился тем, что помимо его все ходят к старцу, и стал жаловаться епархиальному начальству, будто тот смущает обитель. Ученики-де его ходят к отцу Феодору безвременно толпами. Братия расстраивается его неблагоприятными советами, чуждаясь настоятеля. Велено было произвести расследование. Так как сношения отца Феодора с посетителями состояло в одних только духовных беседах, и в этом нельзя было найти ничего предосудительного, то никого и не вызывали к допросам, а только называли старца и его учеников сообщниками (вероятно, опасаясь их как подкапывающихся под власть настоятеля в пользу старца Феодора).

Но главная причина недовольства со стороны настоятеля, иеромонаха Венедикта, на отца Феодора заключается в том, что настоятель по слабости своей попустил прокрасться в свое общежитие окаянному пьянству, а ревностный и прямодушный старец обличал пьяную страсть, от которой, как от всеокайной матери, рождаются все нестроения в иноческих общежитиях. Замечал также смиренномудрый старец Феодор кичливость, неприличную монашескому званию, вместо прежней простоты и воздержания, в некоторых братиях и в самом настоятеле. Вследствие разбора дела, пристрастно поданного настоятелем, вход к отцу Феодору, даже с духовными нуждами, был воспрещен.

О притеснениях, делаемых отцу Феодору, доведено было через келейника, отца Феофана, до сведения высокопреосвященнейшего митрополита Гавриила. Этот искренний почитатель преподобного, желая облегчить жизнь старца, послал ему письмо следующего содержания: «Честный отец Феодор, мне любезный во Христе брате! Прошу вспомоществовать вашими молитвами в жизни моей и в делах должностей моих. Я же к вам пребываю всегда благосклонным. Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский».

Узнав о таком милостивом внимании митрополита к старцу Феодору, настоятель предоставил ему некоторую свободу. Но спустя некоторое время опять стал посылать доносы на старца епархиальному преосвященному. И опять святой стал жить как бы взаперти: никому не позволялось – ни из мирян, ни из братий монастырских – ходить к старцу и говорить о духовных нуждах. Арзамасские Алексеевские ученицы получали от преподобного утешение в скорбях и разрешение недоумений совести только через письма.

По прошествии нескольких лет делавший разные притеснения старцу Феодору настоятель отец Венедикт занемог и, поболев немного, 27 декабря 1788 года умер, примирившись со старцем. После его кончины преподобный, получив свободу и разрешение на выезды, поехал в Арзамас к своим духовным детям, чтобы лично побеседовать с ними и разрешить их духовные нужды. Это посещение старцем своей Арзамасской Алексеевской общины было последним.

Беседа, по обычаю, с детьми своими духовными, отец Феодор с особенным умилением и слезами пространно толковал им псалом «На реках Вавилонских», говоря: «Когда сыны Израиля, лишась Иерусалима, отечества своего, и не видя себе ниоткуда нимало отрады в земле чужой, как странники при реках Вавилонских сидели и плакали, то этим плачем они прообразовали состояние всех в бедах и скорбях живущих на земли. Должно и нам в мыслях содержать, что и мы в бедственной этой жизни, как странники, всегда напастями от врагов наших гонимые и томимые, тогда только отраду себе находим, внегда помянути нам горный Сион: помянух Бога и возвеселихся». Во время этой умиленной, как бы прощальной беседы все плакали – и настоятельница, и сестры.

Потом преподобный начал торопиться с возвращением в Санаксарскую обитель и, преподав всем благословение и прощение, выехал из Арзамаса. По пути заезжал святой Феодор в Саровскую пустынь, со всеми старцами любезно прощался и поспешил в Санаксар.

По приезде его, в среду на Сырной седмице после полудня, собрались к старцу в келлию ученики его, и он, со всеми немного побеседовав, отпустил их. Остались было у него для решения некоторых духовных недоумений два ученика из дворян, живших в монастыре, но он начал изменяться в лице и велел им уйти, сказав, что очень изнемог. Такие припадки изнеможения издавна нередко бывали со старцем от внутренней болезни, но теперь все предчувствовали, что это изнеможение было не обычное, и с горем в сердце оставили его одного.

Немного спустя после ухода братии пришел келейный монах, служивший о. Феодору, сотворил молитву до трех раз, но, не слыша ответа, вошел без благословения. Отец Феодор молча лежал в постели и умно молился. Келейник тотчас побежал и сказал братии, которые все сошлись к отходящему отцу своему. Старец уже ничего не говорил. Прошло в таком молчании около пяти часов; в десятом же часу пополудни, завершив 52-летний подвиг, душа преподобного старца Феодора мирно разлучилась с телом и отошла в вечные обители, к месту присного стремления сего блаженного отца. Тело его, хотя и лежавшее в теплой келлии до погребения, не издавало запаха тления. Погребен честный старец у созданного им храма, на северной стороне его. На могиле преподобного была положена аспидного камня плита с надписью: «Здесь погребен 73-летний старец иеромонах Феодор, по фамилии Ушаков, возобновитель Санаксарского монастыря, который пострижен в Александро-Невской Лавре, продолжал монашеское житие 45 лет; со всеми видами истинного христианина и доброго монаха 19 февраля 1791 года скончался».

9–10 июля 1999 года в Санаксарском монастыре произошло знаменательное событие – причисление к лику местночтимых святых восстановителя обители иеромонаха Феодора (Ушакова). На торжествах присутствовали и чин канонизации совершили правящий архиерей преосвященнейший Варсонофий, епископ Саранский и Мордовский, священноархимандрит монастыря, и правящие архиереи соседних епархий — высокопреосвященнейший Серафим, архиепископ Пензенский и Кузнецкий, и высокопреосвященнейший Прокл, архиепископ Симбирский и Мелекесский. Ныне мощи прп. Феодора Санаксарского покоятся в соборной Иоанно-Предтеченской церкви.

Канонизирован Русской Церковью в 2004 г. См. также статью о его племяннике прав. воине Феодоре Ушакове под 2 октября.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-feodor-sanaksarskij>

Житие преподобного отца нашего Досифея, ученика преподобного Дорофея

Блаженный отец наш Дорофей¹, ревнуя о богоугодной жизни и возлюбив иноческое житие, отправился в киновию аввы Серида², где нашел множество великих постников, подвижающихся в безмолвии; среди них особенно отличались два великих старца: священный Варсонофий и ученик и сопостник его, авва Иоанн, носивший наименование пророка, так как он получил от Господа дар прозорливости. Святой Дорофей вверил себя руководству сих постников и со всем усердием стал подражать им. Вместе со святым отцом Серидом, преподобный Дорофей нередко приходил к великому старцу Варсонофию и беседовал с ним, а отцу Иоанну, отличавшемуся даром прорицания, он удостоился прислуживать. Так пребывал блаженный Дорофей в киновии аввы Серида, упражняясь в подвиге послушания. Тогда вышеназванные святые отцы положили, чтобы отец Дорофей устроил больницу и сам имел бы о ней попечете, ибо братья сильно страдали, когда впадали в болезни, - некому было

заботиться о них и ухаживать за ними. С Божией помощью преподобный построил больницу при содействии брата своего по плоти, который будучи благочестив и любя иноков, давал святому Дорофею необходимые для постройки средства. С тех пор авва Дорофей с некоторыми другими благоговейными иноками служил больным и странным, считая сие за послушание, возложенное на него отцами обители³. Однажды призвал к себе преподобного Дорофея игумен Серид; придя к настоятелю, Дорофей застал у него некоего юношу в воинском одеянии, весьма молодого и прекрасного собою: он пришел в монастырь вместе с некоторыми из слуг княжеских, которые пользовались любовью аввы Серида и часто приходили к нему. Когда пришел отец Дорофей, авва Серид пригласил его к себе одного и сказал ему:

- Вот эти люди привели сего юношу; они говорят, что он хочет вступить в нашу обитель; я же боюсь, что это сын какого-либо вельможи, который, быть может, что-либо украл или совершил какое-нибудь зло и теперь хочет укрыться: тогда, если мы примем его, нам будет грозить прямая опасность. Думаю я так потому, что ни его одеяние, ни его облик не обличают в нем человека, хотящего подвизаться.

Юноша же действительно был родственником одного воеводы; живший доселе среди богатства, привыкший к изнеженному образу жизни, он никогда доселе не слышал слова Божия. Некоторые же слуги того воеводы рассказывали иногда при нем о святом граде Иерусалиме, так что юноша пожелал видеть святые места и просился у воеводы, чтобы он отпустил его посмотреть на святой град. Не желая огорчить его отказом, воевода обратился к одному близкому ему человеку, который намеревался посетить святые места, и стал просить его:

- Окажи мне свое расположение, возьми с собою сего юношу, чтобы он мог видеть святые места.

Отправлявшийся взял юношу, оказывал ему всякий почёт и много заботился об его удобствах.

Когда путники достигли святого града и поклонились там святым местам, они пришли также и в Гефсиманию⁴. Там находилось изображение страшного Суда Божия, где были представлены различные виды адских мучений. Увидев сие изображение, юноша

внимательно рассматривал его и удивлялся. Неподалеку от себя он увидел честную жену, облеченную в багряницу; она стала объяснять ему мучение каждого из осужденных и, поучая его, прибавила несколько слов от себя. Слыша ее рассказ, юноша молчал и удивлялся, ибо он, как раньше было замечено, никогда не слышал слова Божие и ничего не знал о Страшном суде. Наконец, обратившись к женщине, он сказал ей:

- Госпожа, что нужно делать каждому, чтобы избавиться от сих мучений?

В ответ на это она сказала ему:

- Постись, не употребляй мяса, возможно чаще молись и будешь избавлен от сих мук.

Дав ему три таких заповеди, одетая в багряницу жена стала невидима.

Юноша обошел всё то место, тщательно стараясь встретить ее; он думал, что это была обыкновенная женщина, и нигде не мог найти ее, ибо то была сама Пречистая и Пресвятая Дева Мария Богородица.

Наставление таинственной жены произвело на юношу сильное впечатление: умилившись сердцем, он стал строго соблюдать три заповеди, которые дала ему виденная им в Гефсимании Жена. Друг воеводы, на обратном пути, видя, что юноша постится и не вкушает мяса, стал скорбеть, опасаясь воеводы, ибо он знал, что воевода сильно любит того юношу. Бывшие с ними воины, видя такое воздержание юноши, стали говорить ему:

- Господин, ведь ты делаешь то, чего не делают люди, живущие в миру. Так поступают только в монастырях. Иди туда, и там спасешь свою душу.

Ничего не зная о Боге и не представляя себе, что такое монастырь, юноша отвечал:

- Возьмите меня и отведите в какой-либо монастырь. Сам я не знаю, куда идти.

Некоторые из воинов, сопровождавших юношу, особенно уважали авву Серида. Посему они и пришли в его монастырь вместе с тем юношей.

Игумен послал блаженного Дорофея поговорить с юношей и узнать, кто он. На все вопросы преподобного Дорофея юноша давал один ответ:

- Я хочу спастись.

Тогда Дорофей пришел к игумену и сказал ему:

- Если ты желаешь принять его, то принимай без всякого опасения. Нельзя ожидать от него ничего злого.

Игумен ответил:

- Окажи ему милость, отче, и приими его к себе, чтобы он мог получить спасение, наставляемый тобою.

Но смиренный инок отказывался и говорил:

- Не могу я взять его к себе, ибо сие выше моих сил, не могу я наставить его на путь спасения.

На это игумен возразил ему:

- Я забочусь и о твоём спасении и о спасении всех вас; ты же не хочешь позаботиться о спасении одного юноши.

- Если ты хочешь того, отче, - заметил Дорофей, - то спросим совета у великого старца Варсонофия.

- Хорошо, - ответил игумен, - я скажу ему.

Отправившись к Варсонофию, игумен возвестил ему обо всем происшедшем. Тогда святой Варсонофий сказал Дорофею:

- Приими сего отрока, ибо Господь чрез тебя благоволил спасти его.

После этих слов блаженный Дорофей с великой радостью принял юношу, поместив его вместе с собой в больнице. Имя тому юноше было Досифей. Когда наступило время обеда, авва Дорофей сказал Досифею:

- Ступай и подкрепи свои силы, только скажи мне, сколько пищи принял ты.

Возвратившись, Досифей сказал:

- Я съел хлеб и пол-хлеба, а в каждом хлебе было по четыре фунта.

Дорофей спросил его:

- Достаточно ли с тебя сего?

Юноша ответил:

- Да, господин мой, сего вполне достаточно с меня.

- И ты не голоден? - спросил Дорофей.

- Нет, - отвечал Досифей.

- В другой раз, - сказал на это авва Дорофей, - ты съешь хлеб с четвертью хлеба, а другую четверть раздели на две части, и одну из них также съешь.

Досифей так и сделал в следующий раз.

- Голоден ли ты? - спросил его Дорофей.

- Да, я чувствую некоторый голод, - отвечал Досифей. Спустя немного дней блаженный Дорофей снова спросил его:

- Чувствуешь ли ты, чадо, голод?

Юноша ответил:

- Нет, господин мой, твоими молитвами я чувствую себя очень хорошо.

- Теперь ты употребляй только хлеб и пол-четверти другого.

Досифей так и сделал. Через несколько дней преподобный Дорофей снова спросил его:

- Не чувствуешь ли ты теперь голодным себя, сын мой?

- Нет, я вполне сыт.

- Раздели, - сказал святой Дорофей, - и другую четверть на две части, одну из них ты можешь съедать, а другую сохрани.

Досифей исполнил слова своего наставника. Постепенно, с Божией помощью, Досифей стал употреблять в пищу вместо 6 фунтов всего только 8 лотов, ибо как и во всем, в пищи важна привычка: каждый ест такое количество, к какому успевает привыкнуть.

Всякое дело блаженный Досифей делал тихо и кротко; он прислуживал больным в больнице, и каждый благодарил его за его уход, ибо он старался всё держать в чистоте. Если же ему от усталости случалось сказать какому-нибудь болящему что-либо с гневом, то он тотчас оставлял больницу, входил в келарню и там плакал. Другие больничные служители старались в этих случаях утешать его, но старание их оставались безуспешными: Досифей оставался неумолимым к себе. Тогда они отправлялись к отцу Дорофею и говорили:

- Окажи милость, отче, узнай, о чем рыдает брат Досифей, мы не знаем сего и не можем его утешить.

Преподобный Дорофей входил и находил ученика своего сидящим на земле и плачущим. Он спрашивал его:

- Что с тобою, Досифей, о чем ты плачешь?

На это Досифей отвечал:

- Прости меня, отче, я в гневе сказал брату моему злое слово.

Тогда авва Дорофей говорил ему:

- Зачем ты гневаешься, Досифей, зачем позволяешь себе с гневом говорить своему брату? Разве ты не знаешь, что, оскорбляя его, ты оскорбляешь Христа?

Досифей склонял свою голову долу и ничего не отвечал. Когда же Дорофей видел, что Досифей уже довольно раскаялся, он тихо говорил ему:

- Бог простит тебя; встань, и с сего дня положим начало твоему исправлению, усугубим свое усердие к деланию добра, и Бог поможет нам.

Тогда Досифей вставал и с радостью принимался за свое дело, как будто получал прощение от Бога. Бывшие в больнице вскоре узнали обыкновение Досифея, и когда они видели, что Досифей плачет, то говорили:

- С Досифеем что-то приключилось, он в чем-то согрешил.

И затем обращались к блаженному Дорофею:

- Отче, ступай в келарницу, там есть для тебя дело.

Когда Дорофей входил и видел своего ученика плачущим, он понимал, что опять Досифей сказал кому-либо злое слово, и говорил ему:

- Что с тобою, Досифей? Неужели ты опять оскорбил Бога? Неужели ты опять поддался чувству гнева? Неужели ты забыл о своем намерении исправиться?

Когда преподобный Дорофей видел, что его ученик пролил уже немало слёз, он говорил ему:

- Встань, Досифей, и да простит тебя Бог; ты же со своей стороны снова постарайся положить начало исправлению.

Утешенный сими словами, Досифей оставлял свою печаль и шел постилать постели, что он делал уже с кротостью. Постоянно исповедуясь пред своим наставником во всех делах своих и помышлениях, блаженный Досифей, постилая для болящих мягкие постели, часто говорил проходившему мимо Дорофею:

- Отче, моя совесть говорит мне, что я хорошо постилаю постели.

На сие авва Дорофей отвечал ему:

- Удивительное дело, Досифей, ты становишься хорошим слугою и отличным постельником, но из тебя не выходит хорошего инока.

Преподобный Дорофей никогда не позволял Досифею иметь к чему-либо пристрастия, и ученик исполнял все заветы своего учителя. Когда для Досифея нужна была одежда, авва Дорофей приказывал своему ученику самому сшить себе одежду и давал ткань. Блаженный Досифей удалялся и исполнял сие поручение с тщанием великим. Когда он кончал работу, авва Дорофей призывал его и говорил:

- Кончил ли ты, Досифей, свою работу?

- Да, мой отец, я хорошо сшил одежду, - отвечал Досифей.

- Иди, и отдай ее такому-то брату (он называл имя его) или больному.

Досифей с радостью исполнял сие приказание своего наставника, а блаженный Дорофей давал ему сшить другую одежду; когда он кончал и сию, наставник его говорил ему:

- Отдай ее такому-то брату!

И Досифей отдавал ее. Он никогда при сем не роптал и не говорил: "берет мою одежду и отдает ее другому, - но с усердием и любовью совершал всё, что приказывал ему его наставник.

Однажды монастырский строитель⁵ принес от кузнеца хороший, острый нож. Досифей взял его, принес к авве Дорофею и сказал:

- Отче, брат строитель принес сей нож; я взял его, чтобы иметь его в больнице, если ты позволишь.

Блаженный же Дорофей всегда имел в больнице то, что было похуже; посему он отвечал Досифею:

- Покажи его мне; я посмотрю, хорош ли он". Досифей подал нож своему наставнику. Святой Дорофей хотя и видел, что нож хорош, однако не желая, чтобы ученик его имел пристрастие к какой-либо вещи, сказал ему:

- Так ли ты хочешь, Досифей, чтобы тебе быть рабом сего ножа, и неужели ты не боишься того, что нож сей, а не Бог, будет обладать тобою?

Слыша сии слова, Досифей молчал. Достаточно пристыдив его, преподобный Дорофей сказал своему ученику:

- Ступай, положи где-нибудь сей нож, и не прикасайся к нему.

Блаженный Досифей свято исполнил сие приказание; он даже никогда не осмеливался подать сего ножа кому-либо другому, хотя другие служители и брали его: только он один не касался его; ни разу он даже не подумал:

- Зачем только мне одному приказано не брать его; разве я не равен с другими?

Никогда не помышлял так преподобный Досифей, но всегда совершал с радостью всё, что приказывал ему его наставник.

Даже, когда авва Дорофей, порицая его, говорил что-либо иносказательно, святой Досифей и в таком случае старался угадать и исполнить желание своего наставника. Так в его жизни имело место такое происшествие. Сначала Досифей имел обыкновение говорить очень громко. Блаженный Дорофей, желая, чтобы он говорил не так громко, сказал:

- Досифей, надобно принести чашу неразваренного вина. Иди и возьми сосуд!

Он тотчас же отправился и принес полную чашу вина и хлеб. Подавая сие наставнику, он хотел получить от него, по обычаю, благословение. Дорофей, увидев сие, удивился и спросил его:

- Что ты хочешь сделать, Досифей?

- Отче, - ответил ему ученик его, - ты повелел принести мне сосуд нерастворенного вина; итак, дай мне благословение.

- Несмысленный, - отвечал авва Дорофей, - ты говоришь очень громко, словно готы⁶, когда они упьются вином. Посему и я сказал тебе: возьми чашу вина, ибо ты кричишь так же громко, как готы.

Святой Досифей, поклонившись, положил обратно то, что принес, и с того времени стал говорить тихо.

Однажды он пришел к преподобному Дорофею и просил его объяснить одно место из Священного Писания, - ибо, ревнуя о просвещении ума своего, он начал размышлять над некоторыми местами Священного Писания.

Но его наставник не хотел, чтобы Досифей упражнялся в изучении Писания, так как боялся, что тогда он возмечтает о себе и не сохранит смиренного сознания своей нищеты душевной. Посему на вопрос ученика преподобный Дорофей отвечал:

- Не знаю.

В другой раз, когда Досифей снова пришел к своему наставнику и спросил его о другом месте Священного Писания, он получил такой ответ:

- Поди к игумену и спроси его об этом, я же не могу тебе объяснить.

Повинуясь повелению наставника своего, блаженный Досифей отправился к игумену. Но авва Дорофей предупредил игумена:

- Если придет к тебе, отче, Досифей и станет спрашивать о разных местах Священного Писания, нанеси ему удар.

Когда Досифей пришел к игумену и просил его объяснить непонятные места Священного Писания, игумен начал наносить ему удары, говоря:

- Зачем ты не молчишь, если ничего не понимаешь? Зачем ты осмеливаешься спрашивать о сем? Не должен ли ты больше заботиться о своей чистоте, вместо того, чтобы заниматься испытанием Писаний.

Затем, еще ударив его дважды по ланитам, игумен отпустил его. Возвратившись к отцу Дорофею, преподобный показал ему свои покрасневшие от удара ланиты и сказал:

- Игумен нанес мне удар также и по спине, - и больше ничего не прибавил. Он не стал укорять своего наставника, не сказал ему: "зачем ты не вразумил меня, зачем послал меня к игумену". Нет, ничего подобного не сказал блаженный Досифей; он всё, что приказывал ему наставник его, принимал с верой и тотчас же исполнял его повеление без всякого рассуждения. Когда авва Дорофей спрашивал ученика своего о его помышлениях, Досифей рассказывал их своему наставнику и покорно выслушивал от него все наставления. При этом, повеление своего учителя он старался соблюдать с такою точностью, что святому Дорофею никогда не приходилось повторять свои наставления. Так он поступал, во всё время своего недолгого пребывания в обители, а пробыл он в ней всего около пяти лет. Так он и окончил жизнь свою, не выходя из повиновения наставнику и отцу своему, совершенно отказавшись от своей воли и не имея пристрастия ни к какой вещи.

Даже о своем здоровье преподобный Досифей нисколько не заботился. Когда он впал в тяжкую болезнь, так что у него шла кровь горлом, то он услышал, что его болезни могут помочь недоваренные яйца. Преподобный Дорофей, который прилагал все усилия, чтобы излечить от болезни ученика своего, также слышал о сем средстве, но в то время забыл о нем. И вот святой Досифей однажды сказал своему наставнику:

- Отче, я хочу сказать тебе об одной вещи. Я знаю одно средство против моей болезни, но хочу, чтобы ты приказал мне не употреблять его, ибо боюсь, что в противном случае будет возмущать дух мой суетный помысл о выздоровлении.

- Скажи мне, чадо, что это за средство? - спросил преподобный Дорофей.

- Обещай мне наперед, что ты не дашь мне его, - снова стал просить отца Дорофея блаженный Досифей.

- Хорошо, - ответил наставник, - я исполню твое желание.

Тогда болящий сказал ему:

- Я слышал от некоторых, что для таких больных, как я, полезны недоваренные яйца, но прошу тебя, не приказывай мне употреблять их, чтобы суетный помысл о выздоровлении не смущал меня.

- Хорошо, сын мой, я не стану принуждать тебя, как ты сам об этом просил меня. Только ты не скорби и не падай духом.

И действительно, вместо недоваренных яиц преподобный Дорофей давал своему ученику другие средства, помогающие в его болезни. Так святой Досифей, даже заболев тяжкой болезнью, старался отречься от своей воли.

Преподобный всегда имел в уме и на устах память о Боге. Духовный отец его советовал ему постоянно произносить: Господи, Иисусе Христе, Боже мой, помилуй меня", и "Сын Божий, помоги мне". Эти молитвы святой Досифей всегда имел на устах своих. Когда болезнь его усилилась, отец Дорофей сказал ему:

- Досифей, не забывай своих молитв, и удвой свои моления!

- Моли, отче, Бога за меня, - отвечал страдалец. Когда болезнь усилилась еще более, Дорофей спросил:

- Что, Досифей, творишь ли ты свои молитвы так же, как и прежде?

- Да, отче, по молитвам твоим, я не оставляю сего дела". Когда болезнь его еще более усилилась, так что Досифей сам уже не мог вставать и приходилось носить его на полотне, -преподобный Дорофей спросил его:

- Продолжаешь ли ты, Досифей, молиться?

- Прости меня, отче, - отвечал больной, - более я не могу молиться.

- Тогда оставь молитву, - отвечал Дорофей, - только поминай имя Божие и имей всегда Его пред своими глазами.

Страдание святого Досифея все усиливались, и однажды он обратился к старцу Варсонофию с такою просьбою:

- Отпусти меня, отче, более я не могу жить.

Святой Варсонофий послал сказать ему:

- Терпи, чадо, ибо недалеко уже милость Божия.

Видя, что святой Досифей сильно недугует, преподобный Дорофей был весьма опечален этим. Чрез несколько дней болящий снова послал сказать святому Варсонофию:

- Владыко мой, не могу более жить.

На это великий Варсонофий отвечал:

- Иди с миром, предстань пред Пресвятой Троицей и моли за нас пред престолом Вседержителя.

Слыша сии слова великого Варсонофия, иноки стали негодовать; они говорили друг другу:

- Что же великого сделал Досифей? В чем был подвига его? За что он получил такой ответ от великого старца?

Они действительно не видели особенных подвигов преподобного Досифея, не видели, чтобы он вкушал только через день, как делали некоторые из бывших там иноков; не видели они, чтобы Досифей раньше всех являлся в церковь, не видели, чтобы он проявлял особенное воздержание. Они все видели, как Досифей вкушал пищу, хотя и в небольшом количестве. Они знали, что святой Досифей иногда питался соком, который оставался после раздачи болящим, или головами рыб, или другими подобными кушаньями. А в сем монастыре было много иноков, которые долгое время ревностно подвизались в воздержании, вкушали пищу только через день, постоянно молились; сии, слыша ответ великого Варсонофия, данный болящему, пробывшему не более пяти лет в монастыре, смутились; ибо они не знали безропотного и полного послушания святого Досифея, и не

могли понять его великого подвига. Посему-то они и стали роптать, когда услышали обращенные к нему слова святого Варсонофия.

Но Господу было угодно показать славу, уготованную Досифею за его великое послушание, и вместе с сим пред всеми явить, насколько мудро и скоро наставил преподобный Дорофей своего ученика на путь спасения. Вскоре после преставления Досифея⁷, в монастырь пришел один святой старец, опытный подвижник, и был принят с честью. Сей старец, желая увидеть прежде почивших святых отцов обители, молился Господу, чтобы Он открыл ему что-либо о них. Молитва его была услышана, и он удостоился узреть всех отцов обители, стоящих в светлом месте, среди которых находился юноша с веселым лицом. После сего видение старец стал расспрашивать, кто этот юноша, которого он видел среди святых отцов. Когда он описал его наружный вид, все поняли, что это был блаженный Досифей. Тогда все прославили Бога и дивились Его неизреченной милости.

Так преподобный Досифей в малое время достиг великой славы в Царстве небесном, потому что подвизался в послушании, отвергся воли своей и поработил ее воле наставника своего, как бы Самому Богу. За это он предстоит ныне со всеми святыми отцами на небесах Живущему, и на смиренных в послушных призывающему Богу, Которому слава во веки. Аминь.

1 Преподобный Дорофей жил и подвизался в конце VI и начале VII века. Прежде чем удалиться в пустыню для иноческих подвигов, он в молодых летах много занимался науками. Потом, сделавшись иноком, он с тою же любовью и неутомимостью предался упражнению в добродетели. Скончался около 620 года. От него осталось несколько сочинений, написанных простым языком, но в которых ясно выразилась духовная мудрость их составителя. Сюда относятся 25 наставлений ученикам в подвижнической жизни, которые представляют собою возвышенное учение об обязанностях и поведении иноков, 30 глав или слов о подвижничестве и многие другие сочинения.

2 Преподобный Серид жил в VI веке и был основателем Палестинской обители близ города Газы. Память его в субботу сырную. Основанная им обитель являла собою такой вид общежительного монастыря, в котором братия не только стоят, но и одежду и т. п. получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а с своей стороны весь свой труд и его плоды предоставляют обязательно на общую потребу монастыря. Такие обители и назывались киновиями. (от греч. Слова - общежительные).

3 С какою любовью исполнял преподобный Дорофей такое послушание, показывают собственные слова его: "в то время я только что встал от болезни тяжелой. И вот приходят странники вечером, я проводил с ними вечер, - а там погонщики верблюдов - и им приготавливал я нужное; много раз, когда отходил я спать, встречалась другая нужда и меня будили, а затем приближался час бдения".

4 Гефсимания - селение или место за потоком Кедронским, при подошве горы Елеонской, где был сад, куда Господь часто удалялся с учениками Своими, и где Он был предан Иудою (Мф. 26:36; Иоан. 18:1-3). Гефсимания - по-русски значит: место маслин, или точило для выжимания сока из маслин. Сад Гефсиманский и теперь еще показывают при подошве горы Елеонской - с южной ее стороны; в саду указывают и место Гефсиманской молитвы Господа пред Голгофскими страданиями, равно как и погребальный вертеп Богоматери, где теперь находится гроб Ее.

5 Строитель - иначе домостроитель, домоправитель, казнокхранитель, эконо́м, или же ключник. Так назывались иноки, заведывавшие монастырским хозяйством!

6 Готы - были полудиким народом, германского происхождения, который жил первоначально к юго-востоку от Балтийского моря. В эпоху великого переселения народов (V в.) Готы распространились к югу, и некоторое время грозили Византийской империи. В это же время, а также и позднее из готов было не мало наемников, служивших в войсках греческого императора, а потому народ этот был известен даже в Палестине.

7 Скончался в VII в.

Память преподобного Равулы

Святой Равула родился в городе Самосатах¹. Образование он получил под руководством одного знаменитого, хорошо владевшего сирским языком, ученого мужа, по имени Варипсава. С юных лет проводя добродетельную жизнь, преподобный по достижении совершенного возраста принял иночество и избрал себе необыкновенные подвиги. Подобно

святому пророку Илии, он один обитал по горам и пещерам и в образе жизни своей подражал святому Иоанну Крестителю.

По прошествии некоторого времени преподобный вместе с другим иноком отправился в Финикию² и, подвизаясь здесь, обратил на себя внимание высокими своими добродетелями, так что вскоре помимо своего желания стал всем известен. Получив денежное пособие от императора Зенона³, он при содействии Беритского⁴ епископа Иоанна построил в одном месте среди гор обширный монастырь и населил его иноками. В окрестностях монастыря проживало множество закоренелых язычников. Преподобный Равула и подвизавшиеся вместе с ним в обители иноки, уподобляясь святым Апостолам Павлу и Варнаве, а также Петру и Иоанну, стали то обличать их заблуждения, нередко вступая с ними в спор, то преподавать им наставление в вере, и вскоре привели всех их к познанию истинного Бога. Это было первое славное деяние преподобного.

После смерти императора Зенона управление империей принял император Анастасий⁵. Преподобный Равула отправился в Константинополь и своими хлопотами достиг того, что император оказал ему новое денежное пособие, которое и было употреблено им на построение второго монастыря. Впоследствии он построил в разных местах много еще и других монастырей. Святой Равула всегда был ко всякому доброму делу рачителен, кроток, милостив, человеколюбив, никогда не предавался гневу, всегда пребывал в молитвах и ко всем относился благожелательно. И когда диавол, возбуждая в нем страсти, вступал с ним в борьбу, то, в совершенстве зная и понимая Священное Писание Ветхого и Нового Завета, он противопоставлял ему и слово Божие. и дела благочестия и тем отгонял от себя противника. Преподобный жил до времени царствования Юстиниана Великого⁶, построившего знаменитой храм святой Софии в Константинополе⁷. Достигши восьмидесяти лет, он услышал однажды голос с неба, сказавши ему: **"Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас"** (Мф.11:28), после этого, немного поболев, отошел ко Господу⁸.

1 Город Самосаты находился в Сирии и расположена был на правом, западном берегу реки Евфрата, в его верховьях.

2 Финикия находилась к северу от Палестины и лежала между Средиземным морем и Ливанскими горами.

3 Зенон царствовал с небольшими перерывом с 474 по 491 год. В его царствование происходила борьба православных с еретиками монофизитами, и он принимал в этой борьбе деятельное участие, стараясь дать перевес и торжество представителям православного учения церкви.

4 Берит, ныне Бейрут, был приморским городом Финикии и расположен близ устьев реки Магоры.

5 Император Анастасий управлял империей с 491 по 518 год.

6 Юстиниан вступил на престол после Юстина в 527 году и царствовал до 565 года.

7 Главный великий собор Константинополя во имя Софии - Премудрости Божией, который первоначально был создан Константином Великим. При императоре Юстиниане он был великолепно возобновлен и расширен в 537 году. В 1453 году при взятии Константинополя турками, он обращен в мечеть. Юстиниановский храм св. Софии представляет и поныне замечательнейший, величественнейший памятник христианской архитектуры Византийского стиля, самой цветущей эпохи его развития.

8 Святой Равула скончался около 530 года.

Память преподобных Евгения и Макария исповедников

Когда в римской империи царствовал Юлиан, то все христиане скрывались из за того, что по повелению императора везде приносились жертвы языческим богам, и язычники в угоду своему государю, оскверняя себя и не боясь суда Божия и вечного наказания, силою принуждали твердых в вере исповедников Христа принимать участие в этих жертвоприношениях. В это время были схвачены и приведены на суд к Юлиану два пресвитера Антиохийской церкви Евгений и Макарий. На суде они исповедали Христа истинным Богом и Судиею живых и мертвых и обличили императора отступника, как

нечестивца и убийцу, нарушителя заповедей Божиих, язычника и служителя идолов, причем сказали ему:

- Горе тебе, нечестивец и наследник вечного, нескончаемого огня! Горе твоей суетности! Как ты решился вместо света снискать себе тьму?

От этих слов Юлиан пришел в гнев и повелел сперва связать святых тонкими ремнями, повесить вниз головами и окуривать ядовитым зловонным калом, а потом сильно раскалить железный лист и, обнажив их, разложить на нем. Подвергнутые таким мучениям, святые Евгений и Макарий возвели глаза свои к небу и, сохраняемые силою Божиею, оставались невредимыми, при чем лица их сияли радостью и тем обличали злобу мучителя. После сего Юлиан приказал заключить их в оковы и сослать в Оасим аравийский¹. Идя на место ссылки, святые радовались, что терпят изгнание за Христа, и пели: **"Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем"** (Пс.118:1).

С радостным духом они прибыли в Оасим, взошли на одну гору и одни стали жить на ней. Правители страны сказали им:

- Братия, уйдите из этого места, потому что неподалеку отсюда обитает свирепый змей, который пожирает всех, кто близко подходит к нему.

На это святые отвечали:

- Покажите нам пещеру, где обитает этот змей.

Их привели к месту обитание змея и издали показали пещеру, где он находился. Тогда святые, преклонив колени, помолились Богу, и внезапно последовал с неба удар грома и поразил змея. Убитый змей объят был пламенем и немедленно же сгорел, причем вместе с ним сгорел и песок, бывший в пещере, и над пещерою бурным зловонным вихрем поднялась пыль. Увидев такое чудо, начальники страны, бывшие язычниками, уверовали во Христа.

Между тем святые Евгений и Макарий вошли в пещеру, где обитал змей, и тридцать дней провели в молитве, не имея при себе ни пищи, ни питья. Наконец они услышали голос, сказавший им:

- Рабы истинного Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, подойдите к камню, который находится вблизи вас.

Святые исполнили повеление и, когда подошли к камню, то сперва увидели в нем свет, а потом камень распался на две части, и из него в изобилии потекла вода. Взяв этой воды, они досыта напились ее и тем утолили и голод свой и жажду. Находясь в пещере, святые молились о том, чтобы Господь сподобил их умереть в одно время и вместе быть со Христом. и Господь принял молитву их: они оба вместе отошли ко Господу, благодаря и прославляя Его².

В тот же день память святых мучеников Максима, Феодота, Исихия и святой мученицы Асклиподоты, пострадавших при императоре Максимиане Галерии в Адрианополе³.

1 Аравия - каменистый полуостров на юго-западе Азии. Оасим представлял собою один из оазисов аравийской пустыни.

2 Кончина святых относится к 363 году.

3 Память трех из них Максима, Феодота и Асклиподоты (иначе Асклиады) празднуется еще 15-го сентября.

Память святых мучеников Максима, Феодота, Исихия и мученицы Асклиподоты

Свв. Максим, Феодот и Исихий были арестованы во времена Диоклетиановых гонений, на рубеже III–IV вв. Их пытали на дыбе и терзали железными крючьями. Затем мучеников в кандалах водили из селения в селение. Во фракийском гор. Адрианополе их отдали на растерзание диким зверям. Но животные не тронули христиан.

Асклиподоту распяли, а затем привязали к бешеному быку. Поскольку Божественная благодать сохранила тела мучеников невредимыми, их побили камнями и протащили по скалистым тропам. Мученической кончины они удостоились усеченные мечом.

*«Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители
Симонопетра.*